УДК 321+930+297 Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. Вып. 4

Г. В. Лукьянов

ИСЛАМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА В ЛИВИИ: ЦЕННЫЙ ОПЫТ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

В статье предпринята попытка актуализации опыта изучения роли ислама в социально-политическом развитии Ливии после революции 1969 г., накопленного представителями советской востоковедной школы ливийских исследований. Авторская гипотеза строится на утверждении, что определенная часть советских востоковедов не была согласна со скептическим отношением к роли ислама в процессе политической модернизации и государственного строительства в Ливии рассматриваемого периода, как того требовали догматические и теоретические установки марксизма и ленинизма. Предложив иной взгляд на проблему, они сумели доказать возможность альтернативного ви́дения особенностей политогенеза ливийского общества. Автор рассмотрел и сопоставил тексты статей и монографий, опубликованных в период расцвета дискуссии о роли ислама в процессе национально-освободительной борьбы и государственного строительства в Ливии (1970–1980-е годы). На основе изученных материалов была предпринята попытка реконструировать основные этапы и элементы дискуссии, выявить ее ключевые тезисы. Полученные выводы представляют интерес ввиду их релевантности и полезности для изучения широкого круга социально-политических процессов в Ливии в XX–XXI вв. Библиогр. 32 назв.

Ключевые слова: Ливия, Джамахирия, ислам, государство, политика, историография.

ISLAM AND ITS IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF THE STATE IN LIBYA: THE VALUABLE EXPERIENCE OF SOVIET HISTORIOGRAPHY

G. V. Lukyanov

National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000, Russian Federation

The paper contains an attempt to actualize experience of the Soviet school of Libyan studies and its approach to research for the role of Islam in the social and political development of Libya after the revolution of 1969. The author's hypothesis is based on the assertion that a certain section of Soviet orientalists did not agree with the skeptical attitude to the role of Islam in the process of political modernization and state building in Libya of that period as demanded by the dogmatic and theoretical principles of Marxism and Leninism. Suggesting a different view of the problem, they managed to prove the possibility of an alternative vision of the political development and genesis of Libyan society. The author examined and compared the texts of articles and monographs published during the heyday of the discussion about the role of Islam in the process of national liberation struggle and state building in Libya (1970-1980s). We tried to reconstruct the main stages and elements of the discussion and to identify its key theses. The obtained conclusions are of interest in view of their relevance and usefulness for studying a wide range of socio-political processes in Libya in the 20th and 21st centuries. Refs 32.

Keywords: Libya, Jamahiriya, Islam, state, politics, historiography.

События 2011 г. в Ливии, которые рассматриваются сегодня преимущественно в контексте явления, именуемого в современной историографии «арабская весна» [1, с. 4–16] или «арабское пробуждение» [2], привели к гражданской войне, переросшей в долгосрочный военно-политический, экономический и гуманитарный

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

 https://doi.org/10.21638/11701/spbu13.2017.409

кризис в этой североафриканской стране. Под угрозой полного исчезновения оказалась сама ливийская государственность. Большие сомнения у исследователей и общественно-политических деятелей из разных стран стала вызывать перспектива сохранения территориально-политической целостности государства и общности трех исторически связанных областей — Триполитании (Тараблюса), Киренаики (Барки) и Феццана (Феззана) [3].

В этой связи в научно-исследовательском сообществе с новой силой разгорелась дискуссия о сущности и природе государства в арабском мире, перспективных направлениях его развития, уязвимых и сильных сторонах, способности к выживанию в условиях новых вызовов и угроз [4–6]. Отдельное внимание в подобных диспутах и сопровождающих их академических штудиях уделено Ливии, занимающей уникальное положение на «перекрестке миров» между Западом и Востоком, Севером и Югом. Эта страна с удивительной историей является частью трех сопредельных и во многом перемежающихся регионов — традиционной Африки, арабского мира и Средиземноморья. При этом, будучи расположенной в самом сердце Северной Африки, Ливия не может быть названа полноценной частью преимущественно арабо-берберского Магриба, а также обособленно она стоит и от своих восточных соседей — Египта и Судана. Эти обстоятельства оказывают прямое воздействие на генезис ливийского общества, позволяя ему сочетать в себе множество черт, присущих самым разным цивилизационным моделям [7, с. 55–67].

Тем не менее крайне важным не только в рамках ливийских исследований, но и в более широком контексте изысканий в сфере изучения современных африканских и азиатских обществ видится обстоятельное рассмотрение роли и места ислама в процессе политогенеза общества (или обществ) современной Ливии.

Неслучайно в условиях коллапса государственных институтов [8], произошедшего в Ливии после 2011 г., наиболее эффективными в вопросе консолидации и мобилизации общественной поддержки оказались политические объединения так называемого «исламистского толка». Речь идет как о легальных политических партиях, так и о несистемных объединениях.

К первым можно отнести политические партии, зарегистрированные в преддверии выборов депутатов Всеобщего национального конгресса, которые состоялись в июне 2012 г. По прошествии пяти лет эти выборы продолжают оставаться единственным всеобщим голосованием в стране, итоги которого не подвергались всеобъемлющей критике и фундаментальному пересмотру. Партия справедливости и созидания (ПСС) под руководством Мохаммеда Сувана, созданная при непосредственной поддержке тунисской партии «ан-Нахда» и турецкой Партии справедливости и развития, набрала 10 % голосов избирателей и заняла 17 депутатских мест из 80, предназначенных для выдвиженцев от политических партий [9, с. 352–354]. В 2017 г., даже в условиях фрагментации политической системы и атомизации общества, ПСС продолжала функционировать и оставаться одной из наиболее стабильных и жизнеспособных политических партий в масштабах всей страны.

Ко вторым можно отнести организации и объединения, отказавшиеся от какой-либо легализации, противопоставив себя тем самым всем попыткам консолидировать общество под эгидой новой политической системы, начало которой положили признанные международным сообществом выборы 2012 г. Это и отказавшиеся от разоружения и интеграции в составе регулярных вооруженных сил

и сил правопорядка революционные бригады, их объединения и вновь созданные движения. Крупнейшей и, пожалуй, наиболее известной из них стала организация «Сторонники Шариата» («Ансар Аш-Шариа»), взявшая на себя ответственность за нападение на представительство США в Бенгази в сентябре 2012 г. Исламистам также удалось создать сравнительно эффективно действующие «зонтичные» структуры согласования решений и координации военно-политических действий на региональном уровне. На востоке страны, в Киренаике, это были Революционный совет Шуры Бенгази, Революционный совет Шуры Дерны и ряд других привязанных к определенной местности революционных советов. А на Западе, в Триполитании, ту же роль играли структуры «Рассвет Ливии» и «Щит Ливии». Эти объединения не претендовали на локальный суверенитет отдельных исламистских группировок на местах, но успешно служили платформой для согласования их нередко противоречивых интересов и организации взаимодействия в противостоянии общим врагам.

Таким образом, не имеющие ни четкой политической программы, ни реального опыта политического управления, но чувствующие себя уверенно в исламском политическом дискурсе разнотипные исламистские организации оказались наиболее эффективными и жизнеспособными участниками кризисного этапа развития политического процесса в Ливии. В стране, разделенной по линиям этнических, племенных и иных расколов, а также где произошло крушение государственных институтов, ислам оказался одним из немногих факторов сохранения единого правового и культурного пространства. Поэтому академическая дискуссия о роли ислама в политогенезе современного общества имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. В этой связи уместно вспомнить и актуализировать опыт изучения роли ислама в социально-политическом развитии Ливии, накопленный отечественными авторами, представлявшими школу советского востоковедения.

Современные российские исследователи достаточно редко обращаются к теме историографии Новейшей, или современной, истории изучаемых ими стран. Не является в этом отношении исключением арабистика и существующий в ее рамках региональный сегмент так называемых ливийских исследований [10]. Среди опубликованных в 2010-х годах в России исследовательских работ, обобщающих [11] и рассматривающих частные вопросы [12–14] историографии и истории Ливии, встречаются и те, в центре внимания которых оказалась и роль ислама [15]. Однако концентрируя внимание преимущественно на англо-американской и европейской историографии, авторы этих исследований достаточно поверхностно рассматривали корпус советских и российских исследований по интересующему нас вопросу.

Наша статья имеет своей целью заполнить эту лакуну и осветить некоторые направления изысканий в отечественном востоковедении в рамках изучения политической роли ислама и его влияния на складывание и функционирование государственных институтов в Ливии. Ввиду широты заявленной цели автор не претендует на то, чтобы в рамках одной статьи охватить все исследовательские вопросы и обозреть всю совокупность работ отечественных исследователей. По причине острой актуальности проблемы видится возможным начать ее рассмотрение по существу с выделения ключевых аспектов затрагиваемой темы, поднятых в отечественной историографии. Основу исследования составили статьи и монографии,

опубликованные в период расцвета в СССР дискуссии о роли ислама в процессе национально-освободительной борьбы и государственного строительства в Ливии, пришедшегося на 1970–1980-е годы.

Можно выделить несколько основных тем, так или иначе привлекавших внимание советских и российских авторов в период с начала 1950-х до середины 1980-х годов в контексте изучения роли исламского фактора в истории Ливии. Во-первых, роль ислама в национально-освободительной (антиколониальной) борьбе и национальной консолидации ливийского народа. Во-вторых, религиозно-политическое учение объединения последователей Мухаммада ибн Али ас-Сенуси и его влияние на организацию власти в Ливии. В-третьих, влияние ислама на государственную идеологию, а именно на «третью мировую теорию» Муаммара Каддафи. В-четвертых, влияние ислама на политические институты ливийского государства [16].

В этой связи особый интерес представляет дискуссия о роли исламского фактора в идеологии и практике политического управления М. Каддафи, развивавшаяся на трибунах научных конференций и страницах востоковедных изданий с конца 1970-х до конца 1980-х годов. В этот период дискуссия приобретает особую остроту не только в силу ускорения развития изучаемой страны после революции 1969 г., но и ввиду более близкого знакомства советских исследователей с объектом их изысканий — ливийским обществом. Усиление двусторонних контактов между Ливией и СССР [17, с. 69–131], которое сопровождалось появлением, а затем и последовательным ростом «русской колонии» в Ливии [18, с. 119–128], состоявшей из гражданских и военных специалистов, а также членов их семей, создало необходимые условия для советских арабистов побывать на ее территории и изучить страну изнутри.

Рассмотрим несколько работ, отражающих, на наш взгляд, ключевые тенденции и вопросы, а также демонстрирующие специфические особенности развернувшейся между специалистами научной дискуссии.

По итогам координационного совещания, организованного Институтом востоковедения АН СССР и Институтом востоковедения им. Беруни АН УССР в марте 1980 г. в Ташкенте, был опубликован сборник материалов для «служебного пользования» под общим названием «Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки». В состав редакционной коллегии вошли выдающиеся ученые Е. М. Примаков, Н. Д. Косухин, Ю. А. Петросян, Л. Р. Полонская, М. М. Хайруллаев, Э. Ю. Юсупов, Н. И. Пригарина. Как и многие подобные работы, снабженные соответствующим грифом, этот сборник так и не стал доступен широкой академической общественности ни в советский, ни в постсоветский период. Бóльшая часть ограниченного для советского времени тиража общим объемом 500 экземпляров оказалась либо в личных библиотеках участников совещания, либо погрузилась в забвение на полках спецхрана академических институтов и партийных организаций Москвы, Ленинграда и столиц азиатских республик СССР. В настоящее время при поиске сборника, казалось бы, опубликованного по историческим меркам совсем недавно, можно столкнуться с немалым количеством трудностей. На него практически нет ссылок в трудах современных востоковедов и исламоведов, в том числе даже в текстах научных диссертаций. Печатная версия сборника, набранного на печатной машинке, так и не была оцифрована и поэтому недоступна широкой читательской аудитории, за исключением некоторых вклю-

ченных в него статей. Так, на официальном сайте директора Государственного Эрмитажа и декана Восточного факультета СПбГУ М. Б. Пиотровского можно обнаружить упоминание статьи за его авторством в данном сборнике на тему «Соотношение светской и духовной власти в исламе» [19], а также ее электронную версию, скопированную из сборника, отмеченного номером 493.

В работе нами был использован экземпляр под номером 223, обнаруженный в Москве и представляющий полнотекстовую версию, сохранившуюся в хорошем состоянии. Сборник представляет интерес, поскольку содержит тексты сразу нескольких поколений советских востоковедов с практически диаметрально противоположными и даже отчасти конфликтующими подходами к изучению и пониманию роли ислама в Ливии.

С позиций скептицизма и умеренной критики «антикоммунизма, скрытого антисоветизма» [20, с. 206] ливийского политического руководства в статье «Место религии в “третьей мировой теории” Каддафи» [20, с. 206–208] обратился к теме Ш. Курдгелашвили. Представляя на совещании Институт востоковедения АН ГрузССР, он указал в статье, что имел опыт практической работы в Ливии в 1970-х годах. Основываясь на нем, он интерпретировал «исламизацию» скорее как инструмент идеологической борьбы с коммунистическим и/или капиталистическим влиянием [20, с. 207], нежели как сущностную составляющую процесса модернизации и политической консолидации. В статье В. А. Лихачева из Института государства и права СССР «Ислам и уголовное право в мусульманских странах» [21] Ливия названа одной из тех стран, где существует «тенденция к введению новых уголовных норм, воссозданных на основе шариата» [21, с. 130]. При этом сущностных характеристик, объясняющих природу этого явления именно в Ливии, автор, к сожалению, в своей работе не привел. Таким образом, оба автора признали факт существования некоего процесса, именуемого исламизацией, в ливийском обществе и государстве, но рассматривали его осторожно и преимущественно в инструменталистском ключе.

Иную точку зрения представляла статья Л. Р. Полонской «Мусульманская модель “третьего пути” развития» [22], в которой был проведен сравнительный анализ учений богословов Аль-Азхара в Египте, последователей имама Хомейни в Иране и Муаммара Каддафи в Ливии [22, с. 39–45]. Сравнивая эти три примера, автор тем самым допускала, что все они сравнимы, а значит, и ислам играет определенную роль в каждой из этих моделей видения мироустройства. Именно «основой идеологии» ливийских революционеров во главе с М. Каддафи, а не только инструментом мобилизации масс или пропаганды называл ислам также Г. И. Мирский в статье «Исламская революция» [23].

Но дальше и глубже в таком ключе проблема была рассмотрена в статье С. Х. Камилева и А. В. Малашенко «О месте исламской традиции в “третьей мировой теории” М. Каддафи» [24]. По мнению авторов статьи, присутствующая в политической идеологии М. Каддафи претензия на универсальность подкрепляется ее реальной способностью выйти за пределы национальных границ ливийского государства. В свою очередь эта способность проистекает из нескольких ее принципиальных отличий от других концепций, возникших в XX в. в странах Азии и Африки. Важнейшей из этих особенностей они называют ее «соотнесенность с исламом», заключающуюся в небывалой, исключительно высокой «степени “исламизирован-

ности"» официальной идеологии в Ливии в сравнении с прочими мусульманскими государствами» [24, с. 194].

В статье особенно подчеркивается влияние ислама на подход М. Каддафи к вопросу политического устройства ливийского общества и государства. Именно в исламской традиции, а никак не в левой или националистической арабской мысли и уж точно не в западной философии Камилев и Малашенко видят идейный источник политической мысли Каддафи. Обращаясь к текстам публичных выступлений ливийского лидера, в которых он обосновывает идею установления системы народных конгрессов и комитетов апелляцией к 42-й суре Корана, посвященной принципу *аш-шура*, они доказывают, что подобные отсылки носят не дежурный, а именно предметный характер. Всю «третью мировую теорию» советские востоковеды характеризуют как «утопию в рамках исламских ценностей и представлений», а политическую риторику — как разворачивающуюся в логике идей «возврата к "эгалитаризму раннего ислама"» [24, с. 195]. Анализируя работы современных им ливийских ученых, например Мухаммеда Фатхи Бакуша, а также свод комментариев к «Зеленой книге» М. Каддафи, Камилев и Малашенко выделяют неизменную аллюзию на традиционную мусульманскую общину, встречающуюся в официальном политическом дискурсе при описании идеального устройства ливийского общества как единого и монолитного, не разделенного классовыми и любыми иными противоречиями.

Развивая тезис Л. Р. Полонской, они считают экономическую составляющую теории Каддафи абсолютно идентичной «исламизированным экономическим концепциям» в других мусульманских странах [24, с. 196]. При этом, соглашаясь с возможностью и необходимостью проведения семантических и иных параллелей между использованным М. Каддафи в качестве базового экономического понятия термином «партнеры» (*шурака*) и принципиально важным для СССР термином «социализм» (*иштирракийя*), авторы предупреждают об опасности полного отождествления этих понятий. Тогда как социализм в советской политической доктрине выступает как достижение совершенной самими людьми революции, для ливийских идеологов партнерство является прежде всего неотъемлемой частью исламской политической традиции, имевшей место еще на заре появления ислама, задолго до начала эпохи колониализма и эксплуатации ливийских мусульман христианами-итальянцами.

Авторы также отмечают, что на первый взгляд даже в самой «Зеленой книге» практически не встречаются отсылки к тексту Корана или мнению мусульманских богословов, однако исламский фактор все же проявляется в ней, хоть и косвенно. Базовые категории исламского дискурса не были использованы в основном тексте в первую очередь ввиду чисто технической сложности, а именно неспособности традиционной религиозной лексики и фразеологии адекватно выразить и передать смысл некоторых современных процессов и явлений. Тем не менее глубоким символизмом пронизана сама структура и общая направленность «Зеленой книги», а комментарии к ней, по объему многократно превосходящие саму книгу, и вовсе апеллируют исключительно к мусульманской политической традиции.

Авторы соглашаются с тем, что с учетом «низкого уровня социального развития общества» до революции 1969 г. начатая ею трансформация осуществлялась в обстановке безраздельного господства религиозного мировоззрения. Доминиро-

вание исламского фактора привело, по их мнению, к последовательному ослаблению идей арабского национализма, а затем и превращению «религиозно-националистической по своему содержанию идеологии» [24, с. 198] в целиком и полностью религиозно окрашенную.

И хотя не со всеми выводами, сделанными авторами в конце статьи [24, с. 199–200], можно сегодня согласиться, крайне важным видится заявленный ими тезис о неспособности арабского национализма (в его секуляристском прочтении) или же социализма изменить «консервативную» религиозную природу ливийского общества. Камилев и Малашенко пишут: «Муаммар Каддафи и его последователи исходят из того, что ислам является не только системой абсолютных ценностей, основанной на божественном откровении и дающей верные ориентиры в пространстве и времени адепту, но еще и идеальной общественной системой» [24, с. 199]. Именно поэтому единственным источником политических идей и норм поведения, практики управления и организации для идеологов послереволюционного ливийского политического режима стали Коран и шариат, которые не нуждались в толковании (это роднит концепцию М. Каддафи с идеями современных ему салафитов и «Братьев-мусульман»), модернизации, адаптации, и т. д. Они были понятны и знакомы консервативному традиционному племенному обществу Ливии.

Свое развитие эти идеи получили в дальнейшем в статьях, опубликованных в нескольких научных сборниках середины 1980-х годов. И здесь уже видно противостояние альтернативных подходов, отдельные признаки которого наблюдались еще на рубеже 1970–1980-х годов. Для сравнения можно взять статьи уже упомянутых авторов.

В сборнике трудов IV Всесоюзной конференции арабистов, состоявшейся в Ереване в 1985 г., который был опубликован тремя годами позже, можно обнаружить статью Ш. Н. Курдгелашвили «Идеологические аспекты “третьей мировой теории” М. Каддафи» [25]. В ней содержится краткое описание идеологических основ и ключевых постулатов политической программы М. Каддафи, изложенных им в «Зеленой книге», и последовательная критика «третьей всемирной теории» и концепции «исламского социализма» с позиций научного социализма. Точнее, речь идет о несоответствии догматов философии и практических шагов Каддафи фундаментальным принципам социализма в его ленинской трактовке.

При этом автор статьи неоднократно обращает внимание читательской аудитории на то, что наравне с «отрицанием западных политических институтов»[1] ливийский лидер подвергает «безосновательной» критике «все другие существующие ныне в мире, в том числе и в странах развитого социализма, государственно-политические системы и институты» [25, с. 35]. Неустанно приводя все новые доводы в поддержку обвинения М. Каддафи в антикоммунизме и анархизме, он использует факты [25, с. 36], почерпнутые из уже упомянутой статьи С. Х. Камилева и А. В. Малашенко, в том числе об апелляции к 42-й суре Корана для обоснования механизмов самоуправления масс [24, с. 194–195], давая им при этом иную интерпретацию.

[1] Примечательно, что здесь Ш. Н. Курдгелашвили ссылается на уже упомянутую работу Л. Р. Полонской в сборнике «Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки» [26, с. 41].

В своей заочной полемике с М. Каддафи Ш. Н. Курдгелашвили обращается и к исламскому фактору, который также интерпретирует исключительно в негативном ключе. Так, «предлагаемая система “народного самоуправления”… по существу представляет из себя одну из разновидностей модели “исламского государства”», что, по мнению советского востоковеда, оспаривает универсальный характер «третьей мировой теории» и удерживает ее в «региональных рамках мусульманского мира» [25, с. 36]. В то же время провал попыток экспорта ливийской революции в другие мусульманские страны демонстрирует несостоятельность и неконкурентоспособность концепции Каддафи перед лицом других моделей «третьего пути развития» [25, с. 36]. В вопросах экономики Ш. Н. Курдгелашвили соглашается с тем, что «трактовка экономических основ “исламского социализма”» в «Зеленой книге» в целом основана на эгалитарных принципах и традиционном мусульманском понимании солидарности всех социальных слоев общества, но не конкретизирует и не дает оценку данному утверждению.

Таким образом, приведенные тезисы об исламе имеют своей целью проиллюстрировать, но не аргументировать критику концепции М. Каддафи. Но при этом их использование видится крайне неэффективным и абсолютно нерелевантным общей логике критики, опорой которой стали принципы и система ценностей научного социализма. В целом это приводит к достаточно специфическому результату, так как доводы не объясняют ситуацию, а лишь усложняют ее понимание и задают ложное представление о роли исламского фактора как второстепенного и малозначимого.

В это же самое время, в 1985 г., был опубликован сборник научных статей «Ислам. Проблемы идеологии, права, политики и экономики», где сразу две статьи были посвящены Ливии: «“Третья мировая теория” как одна из концепций “исламского социализма” (социально-экономические аспекты)» [26] за авторством Л. Б. Борисова и «Воздействие религиозного фактора и национализма на формирование идеологической доктрины современной Ливии» [27] за подписью А. В. Малашенко. Для нас наибольший интерес представляет именно вторая статья, хотя и в первой затрагиваются некоторые сюжеты, связанные с исламским фактором, даются небезынтересные и заслуживающие отдельного внимания оценки и суждения.

Статья Л. Б. Борисова написана в конструктивистском ключе. В ней автор создает образ Ливии как страны, находящейся на важнейшем этапе своего развития — трансформации, сопровождающей процесс последовательной деколонизации. В этот период множество факторов оказывают воздействие на политику революционной элиты, одним из которых является ислам. Л. Б. Борисов признает, что ислам играет не только пропагандистскую роль в теории и практике политического управления Ливийской Джамахирии, но и является мощнейшим фактором культурного перевоспитания общества и важнейшим элементом «зеленого сознания» [26, с. 122], продуцируемого и предлагаемого идеологией М. Каддафи ливийским гражданам в качестве альтернативы привнесенным извне и насильно навязанным ложным ценностям. Рассматривая ливийский политический режим и предлагаемую им модель социально-экономического и политического развития как «прогрессивную», автор оценивает и ислам как часть не только традиционной политической культуры «отсталого» ливийского социума, но и как важнейшую составляющую мировоззрения «нового человека» и «нового общества» эпохи

«самоуправляемых масс», наступившей после революции 1969 г. [26, с. 122]. Ислам представлен как часть «самобытной культуры», которая выполняет важную функцию барьера «против культурного неоколониализма Запада» [26, с. 122–123]. Исламская идентичность здесь рассматривается двояко: в качестве неотъемлемой части ливийского *настоящего* и как органичная, естественная часть ливийского *будущего*.

Намного мягче, чем это сделано в статье Ш. Н. Курдгелашвили, но все же менторским тоном Л. Б. Борисов предостерегает, что «чрезмерное увлечение "самобытностью" чревато опасностью изоляции … от достижений прогрессивной европейской культуры, в том числе и культуры социалистических стран». Таким образом, даже демонстрируя готовность переосмыслить значение ислама для ливийского общества на современном этапе, многие из наиболее прогрессивных исследователей все же оставались в плену мифа о предопределенности секуляризации стран Азии и Африки и неизбежности торжества «западных ценностей» в условиях линейности развития исторического процесса.

На этом фоне новаторским видится подход А. В. Малашенко, изложенный им в статье «Воздействие религиозного фактора и национализма на формирование идеологической доктрины современной Ливии» [27]. Опираясь на тезисы Л. Р. Полонской, изложенные ею совместно с А. Х. Вафой в монографии «Восток: идеи и идеологи» [28], он предложил предметно рассмотреть те же идеологические концепты и практику политических преобразований М. Каддафи, изучавшиеся его предшественниками и современниками, но учитывая особенности функционирования традиционных институтов. При этом исследователь исходил из убеждения, что применительно к Ливии можно говорить о двух параллельных тенденциях — приспособлении традиционных, в том числе религиозных, институтов к новым реалиям и их синтезе с современными структурами [27, с. 130].

К традиционным центрам религиозного влияния А. В. Малашенко относил в первую очередь «сенуситский орден», являвшийся оплотом консервативных сил и в XIX, и в XX вв. При этом интерпретировать значение слова «консервативный» в данном контексте можно по-разному. Одно из значений, которое приводит сам автор, имеет прямое отношение к религиозным, а не политическим практикам, а именно признанию шариата единственным источником права, а также неприятию духовными лидерами сенуситов права на самостоятельное суждение (*иджтихад*) и признанию ими преимущественно лишь общего суждения улемов (*иджма)* [27, с. 131]. Тем не менее сенуситами и марабутами список акторов, напрямую связанных с исламом и использовавших его, не исчерпывается.

Идейно-политические убеждения ливийских революционеров во главе с М. Каддафи А. В. Малашенко характеризовал как «синтез идеи арабского национализма с глубокой преданностью традициям ислама». В политической риторике М. Каддафи он обнаружил не противопоставление ислама и национализма, а их «стихийное или осознанное» смешение. Сторонники ливийского лидера, по его мнению, воспринимали исламскую традицию как неотъемлемую часть идентичности арабской нации. Трактуя национализм едва ли не как единственный фактор социальной гармонии, они при этом полагали, что эгалитаризм мусульманской общины — это и есть суть идеала социального миропорядка. В этой связи А. В. Малашенко назвал их сторонниками «арабского мусульманского социализма»

[27, с. 132], все основные идеи которого имеют корни в исламе и традиционной политической культуре.

Как экономическая, так и политическая программа ливийских революционеров целиком и полностью отражала глубокое влияние ислама на их систему ценностей и ориентиров. Участие мусульман в трудовом процессе и справедливое распределение доходов стали теми двумя принципами, которые были почерпнуты ими из мусульманской догматики и стали основой экономической составляющей ливийской модели социализма.

Обращение ливийских революционеров к идее единой арабской нации в период глубокого кризиса идеологии арабского национализма (1967 — начало 1970-х годов) было продиктовано не конъюнктурными соображениями, как это было во многих других арабских государствах в предшествующие годы (1950–1960-х), а изначально предопределенной легитимностью идеи единства в исламской политической мысли. Как следствие, критическое осмысление концепции арабского национализма и идей его идеологов не привело к отказу от него в Ливии, но способствовало «исламизации» этой идеологии в изучаемой североафриканской стране. А. В. Малашенко полагал, что арабское единство рассматривалось М. Каддафи как единение арабов на платформе ислама [27, с. 133]. Это позволило ему избежать большинства негативных тенденций, которыми характеризовался кризис арабского национализма в других арабских странах, и дало возможность сравнительно успешно и безболезненно трансформировать «арабское» единство в «мусульманское», а «арабскую» нацию — в «мусульманскую». Облечение лозунгов арабского национализма в религиозную форму сопровождалось изменением курса внутренней и внешней политики. В начале 1980-х Ливия стала сближаться с Пакистаном и Ираном, а в 1990-е — с мусульманскими странами Африки. Официальная ливийская идеология уже интерпретировала ислам не только как «социальное учение», но и как «всемирную религию» и «истинный путь развития всего человечества» [27, с. 133].

При этом достижения в реализации новых принципов на внешнеполитическом направлении сопровождались не менее, а даже более успешной трансформацией подхода ливийского руководства к реформированию с опорой на исламскую традицию политической системы государства. Будучи выходцами из традиционной племенной среды, связь с которой ими так и не была утрачена, представители революционной элиты, по мнению А. В. Малашенко, сравнительно легко признали провал попытки реализовать заимствованную «египетскую модель» политического строительства и идеологическую концепцию «секуляризованного» арабского национализма в Ливии [27, с. 134–135].

Как и Л. Б. Борисов, А. В. Малашенко подчеркивал важность ценностного и символического влияния ислама на идеологию и практику политического реформирования общества при М. Каддафи. В своей работе он повторил и развил некоторые тезисы, изложенные им в уже описанной выше совместной статье с С. Х. Камилевым. Давая оценку более чем десятилетнему опыту модернизации ливийского общества под руководством сторонников М. Каддафи, А. В. Малашенко последовательно доказывал, что ислам сыграл решающую роль в процессе складывания идентичности «формирующейся» ливийской нации [27, с. 136]. В условиях ливийского партикуляризма и традиционного племенного устройства в обществе не было иного основания для объединения не только до революции 1969 г., но и после нее.

Процесс национальной консолидации неизбежно опирался на политику идеализации племенной общности, что и стало причиной, как посчитал А. В. Малашенко, парадокса. Неспособность ливийских идеологов разрешить дилемму «нация — племя» привела к тому, что, пытаясь сохранить, уничтожить или поставить себе на службу традиционную структуру ливийского общества, они должны были использовать для этого в качестве инструмента ислам. Таким образом, он пришел к крайне важному для нас тезису: ислам для ливийцев является не только фундаментом для политической интеграции разобщенного социума, но и единственным действенным инструментом модернизации и коммуникации с внешним миром.

Тем самым, А. В. Малашенко убедительно оспорил тезис о том, что исламский фактор играл второстепенную роль как в идеологии, так и в практике политического управления в Ливии после революции 1969 г. Исламский политический дискурс определил не только форму комментариев к «Зеленой книге», но и ее содержание, суть основных идей и логику миропонимания.

В 1986 г. в сборнике научных статей «Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока» под редакцией Ю. В. Ганковского, А. И. Ионовой и И. Л. Фадеевой была опубликована еще одна статья А. В. Малашенко под названием «Место и роль ислама в политическом устройстве современной Ливии» [29]. Она органично продолжила более ранние работы этого исследователя и конкретизировала заявленные им тезисы. В частности, речь идет о том, как современные автору ливийские политические институты сочетают в себе элементы традиционной племенной и религиозной традиции.

В центре внимания А. В. Малашенко оказались созданные в 1979 г. с целью «активизации деятельности народных конгрессов» революционные комитеты. Востоковед подчеркивал, что внедрение этого института, «политического авангарда» ливийской революции, осуществлялось параллельно с отменой временной Конституции 1973 г. и обращением к Корану как к единственному источнику права, шариатизацией законодательства, форсированной коллективизацией органов управления в соответствии с принципом *аш-шура* и главное — «отделением революции от власти» [29, с. 74].

Последнее видится крайне символичным и симптоматичным. Отказ высших иерархов режима во главе с М. Каддафи от официальных постов в марте 1979 г. А. В. Малашенко интерпретировал как своеобразное воплощение исламского принципа об отказе от посредничества в сфере государственного управления. Он пишет: «Народовластие символизирует непосредственную реализацию массами высшей воли Аллаха, устанавливающей все нормы общественного бытия» [29, с. 74]. Функции правительства и других государственных структур были сведены к исполнению решений, а не их принятию, в то время как за правильностью содержания принятых решений и их выполнения в соответствии с нормами и установками ислама следили духовные наставники и знатоки традиции. В качестве таковых в других социумах могли выступать духовные авторитеты, но в Ливийской Джамахирии эту роль играла революционная элита. То есть институт лидера ливийской революции, коим сразу после официальной отставки стал М. Каддафи, а также институт революционных комитетов сами по себе являются примером соединения светской власти с духовным руководством. Примечательно, и это отмечает автор, что при принятии в члены ревкомов кандидаты приносили клятву верности принципам

революции не на забытой временной Конституции и не на «Зеленой книге», а на Коране [29, с. 74–75]. Подобно марабутам и сенуситской элите в прошлом, ревкомы монополизировали функции религиозной пропаганды, воспитания и контроля. Сам же лидер революции служил воплощением традиционного племенного вождя, обладающего всеми атрибутами религиозного авторитета.

В конце статьи А. В. Малашенко пришел к выводу, что религиозная традиция оказала существенное влияние на политическую систему послереволюционного ливийского государства [29, с. 76]. Он уверен, что М. Каддафи, ограничив влияние мусульманских духовных авторитетов и заняв их место, принял на себя полномочия одновременно и политического, и духовного вождя [29, с. 77]. Тем самым ливийский лидер продемонстрировал приверженность идее неразделенности светской и духовной власти в исламе и как следствие — иллюзорность представлений о секуляризации общественного бытия в Ливии под его руководством.

В дальнейшем многие из перечисленных сюжетов были описаны А. В. Малашенко в нескольких последующих работах, изданных им до 1991 г. в виде глав коллективных [30] и авторских [31, с. 142–169] монографий. Тем не менее созревание этих идей и некоторая диалектика их развития нашли отражение лишь в приведенных выше статьях, что делает их крайне ценными элементами отечественной историографии по изучаемой проблеме. Они не получили должного распространения в академической среде и потому были незаслуженно забыты. При этом недооценены, к большому сожалению, оказались не только статьи, но и изложенные в них ценные соображения.

Одним из важных достижений советской востоковедной науки стало выявление и последовательное доказательство наличия комплексного влияния ислама на политическую модернизацию и политогенез ливийского социума не только до, но и после революции 1969 г. Признание этого тезиса стало возможным только в результате многолетней дискуссии между представителями различных подходов к пониманию роли ислама в политическом развитии освободившихся государств Азии и Африки. Для самого советского востоковедения дискуссия развивалась в мучительном противостоянии прагматизма и «мессианского» догматизма [32, с. 280–301]. В работах Л. Р. Полонской, А. В. Малашенко, Л. Б. Борисова, С. Х. Камилева, по сути, были обоснованы доминантное положение ислама и невозможность политического развития как на уровне идеологии, так и в сфере практического управления и конструирования современных политических институтов, без учета специфики, продиктованной племенным укладом ливийского общества и значимостью для его функционирования религии.

Распад СССР и последовавший за ним кризис советской востоковедной науки крайне негативно сказались на академической дискуссии о роли ислама в политическом развитии Ливии. После 1991 г. ни А. В. Малашенко, ни другие перечисленные авторы к ливийским исследованиям предметно более не возвращались. Наследие изученных статей нашло отражение лишь в крайне небольшом количестве работ постсоветского периода, причем наиболее заметные из них, например труды выдающегося африканиста А. Д. Саватеева [7], лишь косвенно относились к Ливии. В то же время ставшие локомотивами ливийских исследований в постсоветской России «практики» А. З. Егорин и А. А. Подцероб, обращавшийся к теме политизации ислама и исламизма Э. С. Бабкин и изучавший идеологию М. Каддафи А. Рясов

лишь упоминали некоторые из приведенных выше текстов, но роль и значение ислама в указанном направлении ими более не рассматривались.

Траектория развития политического процесса в Ливии после 2011 г. полностью подтвердила правильность тезисов, высказанных Л. Р. Полонской и А. В. Малашенко, о том, что ислам продолжает оставаться единственной эффективной коммуникационной, организационной и мобилизационной основой ливийского социума. Как следствие, восстановление государственности в Ливии прямо зависит от способности внутренних и внешних акторов эффективно использовать для этого исламский фактор.

Литература

1. *Долгов Б. В.* Феномен «арабской весны» 2011–2016 гг.: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. М.: Ленанд, 2017. 200 с.

2. *Наумкин В. В.* Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / отв. ред. В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. С. 3–20.

3. *Лукьянов Г. В.* Ливийский кризис: пять лет нестабильности, деградации и дезинтеграции // Конфронтация между Западом и Россией: с кем вы, страны Азии и Африки? / под ред. А. М. Хазанова. М.: ИВ РАН, 2016. С. 51–64.

4. *Наумкин В.* Цивилизации и кризис наций-государств // Россия в глобальной политике. 2014. № 1. С. 41–58.

5. *Hani Awad.* Tahawulat mafhum al-qawmyah al-arabyah min al-mady ilia al-mutakhail. Al Manhal, 2013. 192 p.

6. *Salamey Imad*. The Decline of Nation-States after the Arab Spring: The Rise of Communitocracy. London: Routledge, 2016. 146 p.

7. *Саватеев А. Д.* Исламская цивилизация в Тропической Африке. М.: Институт Африки РАН, 2006. 304 с.

8. *Кузнецов В. А., Салем В.* Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире // Россия в глобальной политике. 13.03.2016. URL: http://www.globalaffairs.ru/valday/Bezalternativnaya-khrupkost-sudba-gosudarstva-natcii-v-arabskom-mire-18043 (дата обращения: 19.07.2017).

9. *Лукьянов Г. В.* Радикальный ислам в Ливии // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: страны Северной и Северо-Восточной Африки / отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ленанд, 2015. С. 320–361.

10. *Mattes H.* Revolutionary Libya in Western Research. An introductory Survey on Studies published between 1969 and 2002 // Modern and Contemporary Libya: Sources and Historiographies / ed. by A. Baldinetti. Rome: Instituto Italiano per L'Africa e L'Oriente, 2003. P. 195–206.

11. *Лукьянов Г. В.* Эволюция российской историографии ливийского вопроса: формирование и развитие основных тем исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история». 2015. № 1. С. 74–98.

12. *Высочина Е. С.* Российско-ливийские отношения в отечественной литературе конца XX — начала XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история». 2016. №4. С. 111–122.

13. *Лукьянов Г. В.* Некоторые вопросы и проблемы освещения ливийско-чадского конфликта в советской и российской историографии // История — поле сражения / под общ. ред. А. Б. Давидсона. М.: Собрание, 2015. С. 152–174.

14. *Лукьянов Г. В.* Основные подходы к пониманию и написанию истории Ливии XX века в зарубежной историографии // История Африки: старые и новые подходы. XIII Междунар. конф. «Общество и политика в Африке: неизменное, меняющееся, новое», материалы секции 3–1 «История», Москва, 27–30 мая 2014 г. / отв. ред. А. С. Балезин. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 49–65.

15. *Лукьянов Г. В.* Исследование роли ислама в истории современной Ливии: зарубежная историография // История востоковедения: традиции и современность: Мат-лы II Всерос. школы-конф. М.: ИВ РАН, 2015. С. 242–259.

16. *Лукьянов Г. В.* Советская и российская историография об исламе и его влиянии на социально-политическое развития государства в Ливии // Азия и Африка: наследие и современность:

Мат-лы XXIX Междунар. конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21–23 июня 2017 г. / отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб.: НП-Принт, 2017. Т. 1. С. 64–66.

17. *Шведов А., Румянцев В.* Советско-ливийские отношения. М.: Прогресс, 1986. 188 с.

18. *Пересыпкин О. Г.* Из дальних странствий возвратясь… М.: Восток-Запад, 2010. 264 с.

19. *Пиотровский М. Б.* Соотношение светской и духовной власти в исламе // Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки: Мат-лы координац. совещ. (Ташкент, март 1980 г.) / отв. ред. Е. М. Примаков и др. М.; Ташкент: ИВ АН СССР; ИВ им. Беруни АН УзССР, 1980. С. 369–374.

20. *Курдгелашвили Ш. Н.* Место религии в «третьей мировой теории» Каддафи // Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки: Мат-лы координац. совещ. (Ташкент, март 1980 г.) / отв. ред. Е. М. Примаков и др. М.; Ташкент: ИВ АН СССР; ИВ им. Беруни АН УзССР, 1980. С. 206–208.

21. *Лихачев В. А.* Ислам и уголовное право в мусульманских странах // Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки: Мат-лы координац. совещ. (Ташкент, март 1980 г.) / отв. ред. Е. М. Примаков и др. М.; Ташкент: ИВ АН СССР; ИВ им. Беруни АН УзССР, 1980. С. 127–133.

22. *Полонская Л. Р.* Мусульманская модель «третьего пути» развития // Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки: Мат-лы координац. совещ. (Ташкент, март 1980 г.) / отв. ред. Е. М. Примаков и др. М.; Ташкент: ИВ АН СССР; ИВ им. Беруни АН УзССР, 1980. С. 34–46.

23. *Мирский Г. И.* «Исламская революция» // Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки: Мат-лы координац. совещ. (Ташкент, март 1980 г.) / отв. ред. Е. М. Примаков и др. М.; Ташкент: ИВ АН СССР; ИВ им. Беруни АН УзССР, 1980. С. 101–105.

24. *Камилев С. Х., Малашенко А. В.* О месте исламской традиции в «третьей мировой теории» М. Каддафи // Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки: Мат-лы координац. совещ. (Ташкент, март 1980 г.) / отв. ред. Е. М. Примаков и др. М.; Ташкент: ИВ АН СССР; ИВ им. Беруни АН УзССР, 1980. С. 193–200.

25. *Курдгелашвили Ш. Н.* Идеологические аспекты «третьей мировой теории» М. Каддафи // Проблемы современной советской арабистики: Труды IV Всесоюз. конф. арабистов (Ереван, 1985). Вып. 1. Современные политические и социально-экономические проблемы арабских стран / отв. ред. Н. О. Оганесян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. С. 31–40.

26. *Борисов Л. Б.* «Третья мировая теория» как одна из концепций «исламского социализма» (социально-экономические аспекты) // Ислам. Проблемы идеологии, права, политики и экономики: сб. ст. / Отв. ред. А. И. Ионова. М.: Наука, 1985. С. 108–129.

27. *Малашенко А. В.* Воздействие религиозного фактора и национализма на формирование идеологической доктрины современной Ливии // Ислам. Проблемы идеологии, права, политики и экономики: сб. ст. / отв. ред. А. И. Ионова. М.: Наука, 1985. С. 130–138.

28. *Полонская Л. Р., Вафа А. Х.* Восток: идеи и идеологи (критика буржуазных и мелкобуржуазных концепций «третьего пути» развития). М.: Наука, 1982. 256 с.

29. *Малашенко А. В.* Место и роль ислама в политическом устройстве современной Ливии // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока: сб. ст. / отв. ред. Ю. В. Ганковский и др. М.: Наука, 1986. С. 70–78.

30. *Малашенко А. В.* Ислам и политика в странах Северной Африки (60–80-е годы XX в.) // Мусульманские страны. Религия и политика (70–80-е годы XX в.): сб. ст. / отв. ред. А. В. Малашенко, Й. Музикарж. М.: Наука, 1991. С. 117–136.

31. *Малашенко А. В.* В поисках альтернативы (арабские концепции путей развития) / отв. ред. Л. Р. Полонская. М.: Наука, 1991. 208 с.

32. *Васильев А. М.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Восточная литература, 1993. 399 с.

Для цитирования: *Лукьянов Г. В.* Ислам и его влияние на развитие государства в Ливии: ценный опыт советской историографии // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. Вып. 4. С. 440–456. https://doi.org/10.21638/11701/spbu13.2017.409

References

1. Dolgov B. V. *Fenomen "arabskoi vesny" 2011–2016 gg.: Prichiny, razvitie, perspektivy. Tunis, Egipet, Liviia, Siriia, Alzhir* [*Phenomenon of the "Arab spring" 2011–2016: Causes, evolution and prospects. Tunisia, Egypt, Libya, Syria, Algeria*]. Ed. by I. D. Zviagel'skaia. Moscow, Lenand, 2017, pp. 4–16. (In Russian)

2. Naumkin V. V. Vmesto predisloviia: krugovorot Arabskogo probuzhdeniia [Instead of a Preface: the cycle of the Arab awakening]. *Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiia: chto dal'she?* [*Middle East, Arab awakening and Russia: what next?*]. Ed. by. V. V. Naumkin, V. V. Popov, V. A. Kuznetsov. Moscow, IV RAN, 2012, pp. 3–20. (In Russian)

3. Lukyanov G. V. Liviiskii krizis: piat' let nestabil'nosti, degradatsii i dezintegratsii [Libyan crisis: five years of instability, degradation, and disintegration]. *Konfrontatsiia mezhdu Zapadom i Rossiei: s kem vy, strany Azii i Afriki?* [*Confrontation between the West and Russia: who you are, the countries of Asia and Africa?*]. Ed. by A. M. Khazanova. Moscow, IV RAN, 2016, pp. 51–64. (In Russian)

4. Naumkin V. Tsivilizatsii i krizis natsii-gosudarstv [Civilization and the crisis of nation-States]. *Rossiia v global'noi politike* [*Russia in global politics*], 2014, no. 1, pp. 41–58. (In Russian)

5. Hani Awad. *Tahawulat mafhum al-qawmyah al-arabyah min al-mady ilia al-mutakhail*. Al Manhal, 2013. 192 p. (In Russian)

6. Salamey Imad. *The Decline of Nation-States after the Arab Spring: The Rise of Communitocracy*. Routledge, 2016. 146p. (In Arabic)

7. Savateev A. D. *Islamskaia tsivilizatsiia v Tropicheskoi Afrike* [*Islamic Civilization in Tropical Africa*]. Ed. by I. V. Sledzevskii. Moscow, Institut Afriki RAN Publ., 2006. 304 p. (In Russian)

8. Kuznetsov V. A., Salem V. Bezal'ternativnaia khrupkost': sud'ba gosudarstva-natsii v arabskom mire [Uncontested fragility: future of nation-state in Arab world]. *Rossiia v global'noi politike* [*Russia in global politics*], 13.03.2016. Available at: http://www.globalaffairs.ru/valday/Bezalternativnaya-khrupkost-sudba-gosudarstva-natcii-v-arabskom-mire–18043 (accessed: 19.07.2017). (In Russian)

9. Lukyanov G. V. Radikal'nyi islam v Livii [Radical Islam in Libya]. *Islamskie radikal'nye dvizheniia na politicheskoi karte sovremennogo mira: Strany Severnoi i Severo-Vostochnoi Afri*ki [*Islamic radical movements on the polical map of the world: countries of North and North-East Africa*]. Eds A. D. Savateev, E. F. Kisriev. Moscow, LENAND, 2015, pp. 320–361. (In Russian)

10. Mattes H. Revolutionary Libya in Western Research. An introductory Survey on Studies published between 1969 and 2002. *Modern and Contemporary Libya: Sources and Historiographies*. Ed. by A. Baldinetti. Rome, Instituto Italiano per L'Africa e L'Oriente Publ., 2003, pp. 195–206.

11. Lukyanov G. V. Evoliutsiia rossiiskoi istoriografii Liviiskogo voprosa: formirovanie i razvitie osnovnykh tem issledovaniia [Evolution of Russian historiography of the Libyan issue: the formation and development of the main themes of research]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Vseobshchaia istoriia* [*RUDN Journal of World History*], 2015, no. 1, pp. 74–98. (In Russian)

12. Vysochina E. S. Rossiisko-liviiskie otnosheniia v otechestvennoi literature kontsa XX — nachala XXI v. [Russian-Libyan relations in Russian literature in XX — XXI century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Vseobshchaia istoriia* [*RUDN Journal of World History*], 2016, no. 4, pp. 111–122. (In Russian)

13. Lukyanov G. V. Nekotorye voprosy i problemy osveshcheniia liviisko-chadskogo konflikta v sovetskoi i rossiiskoi istoriografii [On coverage of Libyan-Chadian conflict in soviet and Russian historiography]. *Istoriia — pole srazheniia* [*History — field of battle*]. Ed. by A. B. Davidson. Moscow, Sobranie Publ., 2015, pp. 152–174. (In Russian)

14. Lukyanov G. V. Osnovnye podkhody k ponimaniiu i napisaniiu istorii Livii XX veka v zarubezhnoi istoriografii [Main approaches to the understanding and writing history of Libya XX century in foreign historiography]. *Istoriia Afriki: starye i novye podkhody. XIII Mezhdunarodnaia konferentsiia "Obshchestvo i politika v Afrike: neizmennoe, meniaiushcheesia, novoe', materialy sektsii 3–1 "Istoriia", Moskva, 27–30 maia 2014 g.* [*History of Africa: old and new approaches. XIII international conference "Society and politics in Africa: constant, changing, new", materials section 3–1 "History", Moscow, 27–30 May 2014*]. Ed. by A. S. Balezin. Moscow, IVI RAN Publ., 2015, pp. 49–65. (In Russian)

15. Lukyanov G. V. Issledovanie roli islama v istorii sovremennoi Livii: zarubezhnaia istoriografiia [Research on the role of Islam in modern history of Libya: foreign historiography]. *Istoriia vostokovedeniia: traditsii i sovremennost': (Materialy II vserossiiskoi shkoly-konferentsii)* [*History of Oriental studies: traditions and the present: (proceedings of the II all-Russian school-conference)*]. Moscow, IV RAN Publ., 2015, pp. 242–259. (In Russian)

16. Lukyanov G. V. Sovetskaia i rossiiskaia istoriografiia ob islame i ego vliianii na sotsial'no-politicheskoe razvitiia gosudarstva v Livii [Soviet and Russian historiography about Islam and its impact on socio-

political development of the state of Libya]. *Aziia i Afrika: Nasledie i sovremennost'. XXIX Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki, 21–23 iiunia 2017 g.: Materialy kongressa. T. 1* [*Asia and Africa: their Heritage and modernity. XXIX International Congress on historiography and source studies of Asia and Africa, June 21–23, 2017: Congress proceedings. Vol. 1*]. Eds N. N. Dyiakov, A. S. Matveev. St. Petersburg, Izd-vo Studiia "NP-Print", 2017, pp. 64–66. (In Russian)

17. Shvedov A., Rumiantsev V. *Sovetsko-liviiskie otnosheniia* [*Soviet-Libyan relations*]. Moscow, Progress Publ., 1986. 188 p. (In Russian)

18. Peresypkin O. G. *Iz dal'nikh stranstvii vozvratias'…* [*From long travellings returning…*]. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2010. 264 p. (In Russian)

19. Piotrovskii M. B. Sootnoshenie svetskoi i dukhovnoi vlasti v islame [Ratio of secular and spiritual power in Islam]. *Islam i ego rol' v sovremennoi ideino-politicheskoi bor'be razvivaiushchikhsia stran Azii i Afriki soveshchaniia. Materialy koordinatsionnogo soveshchaniia (Tashkent, mart 1980 g.)* [*Islam and its role in the contemporary ideological-political struggle of the developing countries of Asia and Africa the meeting. Materials coordination meeting (Tashkent, March 1980)*]. Eds E. M. Primakov, et. al. Moscow, Tashkent, IV AN SSSR, IV im. Beruni AN UzSSR Publ., 1980, pp. 369–374. (In Russian)

20. Kurdgelashvili Sh. N. Mesto religii v "tret'ei mirovoi teorii" Kaddafi [Religion in Qaddafi's "Third Universal Theory"]. *Islam i ego rol' v sovremennoi ideino-politicheskoi bor'be razvivaiushchikhsia stran Azii i Afriki soveshchaniia. Materialy koordinatsionnogo soveshchaniia (Tashkent, mart 1980 g.)* [*Islam and its role in the contemporary ideological-political struggle of the developing countries of Asia and Africa the meeting. Materials coordination meeting (Tashkent, March 1980)*]. Ed. by E. M. Primakov, et. al. Moscow, Tashkent, IV AN SSSR, IV im. Beruni AN UzSSR Publ., 1980, pp. 206–208. (In Russian)

21. Likhachev V. A. Islam i ugolovnoe pravo v musul'manskikh stranakh [Islam and criminal law in Muslim countries]. *Islam i ego rol' v sovremennoi ideino-politicheskoi bor'be razvivaiushchikhsia stran Azii i Afriki. Materialy koordinatsionnogo soveshchaniia (Tashkent, mart 1980 g.)* [*Islam and its role in the contemporary ideological-political struggle of the developing countries of Asia and Africa the meeting. Materials coordination meeting (Tashkent, March 1980)*]. Eds E. M. Primakov, et. al. Moscow, Tashkent, IV AN SSSR, IV im. Beruni AN UzSSR Publ., 1980, pp. 127–133. (In Russian)

22. Polonskaia L. R. Musul'manskaia model' "tret'ego puti' razvitiia" [Muslim model of 'Third way of development']. *Islam i ego rol' v sovremennoi ideino-politicheskoi bor'be razvivaiushchikhsia stran Azii i Afriki. Materialy koordinatsionnogo soveshchaniia (Tashkent, mart 1980 g.)* [*Islam and its role in the contemporary ideological-political struggle of the developing countries of Asia and Africa the meeting. Materials coordination meeting (Tashkent, March 1980)*]. Eds E. M. Primakov, et. al. Moscow, Tashkent, IV AN SSSR, IV im. Beruni AN UzSSR Publ., 1980, pp. 34–46. (In Russian)

23. Mirskii G. I. "Islamskaia revoliutsiia" ["Islamic Revolution"]. *Islam i ego rol' v sovremennoi ideino-politicheskoi bor'be razvivaiushchikhsia stran Azii i Afriki. Materialy koordinatsionnogo soveshchaniia (Tashkent, mart 1980 g.)* [*Islam and its role in the contemporary ideological-political struggle of the developing countries of Asia and Africa the meeting. Materials coordination meeting (Tashkent, March 1980)*]. Eds E. M. Primakov, et. al. Moscow, Tashkent, IV AN SSSR, IV im. Beruni AN UzSSR Publ., 1980, pp. 101–105. (In Russian)

24. Kamilev S. Kh., Malashenko A. V. O meste islamskoi traditsii v "tret'ei mirovoi teorii' M. Kaddafi [About Islamic tradition in Qaddafi's "Third Universal Theory"]. *Islam i ego rol' v sovremennoi ideino-politicheskoi bor'be razvivaiushchikhsia stran Azii i Afriki. Materialy koordinatsionnogo soveshchaniia (Tashkent, mart 1980 g.)* [*Islam and its role in the contemporary ideological-political struggle of the developing countries of Asia and Africa the meeting. Materials coordination meeting (Tashkent, March 1980)*]. Eds E. M. Primakov, et. al. Moscow, Tashkent, IV AN SSS, IV im. Beruni AN UzSSR Publ., 1980, pp. 193–200. (In Russian)

25. Kurdgelashvili Sh. N. Ideologicheskie aspekty "tret'ei mirovoi teorii" M. Kaddafi [Ideological aspects of Qaddafi's "Third Universal Theory"]. *Problemy sovremennoi sovetskoi arabistiki: Trudy IV Vsesoiuznoi konferentsii arabistov (Erevan, 1985). Vyp. 1. Sovremennye politicheskie i sotsial'no-ekonomicheskie problemy arabskikh stran* [*Issues of modern Soviet Arabic studies: proceedings of the IV all-Union conference of arabists (Yerevan, 1985). Vol. 1. Contemporary political and socio-economic problems of arab countries*]. Ed. by N. O. Oganesian. Erevan, AN ArmSSR Publ., 1988, pp. 31–40. (In Russian)

26. Borisov L. B. "Tret'ia mirovaia teoriia" kak odna iz kontseptsii "islamskogo sotsializma' (sotsial'no-ekonomicheskie aspekty) ["Third Universal Theory" as one of the concepts of "Islamic socialism" (social-economic aspects)]. *Islam. Problemy ideologii, prava, politiki i ekonomiki: sbornik statei* [*Problems of ideology, law, politics and Economics: a collection of articles*]. Ed. by A. I. Ionova. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 108–129. (In Russian)

27. Malashenko A. V. Vozdeistvie religioznogo faktora i natsionalizma na formirovanie ideologicheskoi doktriny sovremennoi Livii [Religious factor and nationalism in creating of ideological doctrines of

modern Libya]. *Islam. Problemy ideologii, prava, politiki i ekonomiki: sbornik statei* [*Problems of ideology, law, politics and Economics: a collection of articles*]. Ed. by A. I. Ionova. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 130–138. (In Russian)

28. Polonskaia L. R., Vafa A. Kh. *Vostok: idei i ideologi (kritika burzhuaznykh i melkoburzhuaznykh kontseptsii "tret'ego puti" razvitiia)* [*East: the idea and ideology (critics of bourgeois and petty-bourgeois concepts of the "third way" of development)*]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 256 p. (In Russian)

29. Malashenko A. V. Mesto i rol' islama v politicheskom ustroistve sovremennoi Livii [Place and role of Islam in the political structure of modern Libya]. *Islam i problemy natsionalizma v stranakh Blizhnego i Srednego Vostoka: sbornik statei* [*Islam and nationalism in the countries of Middle East: a collection of articles*]. Eds Iu. V. Gankovskii, et al. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 70–78. (In Russian)

30. Malashenko A. V. Islam i politika v stranakh Severnoi Afriki (60–80-e gody) [Islam and politics in the North Africa (60–80-s)]. *Musul'manskie strany. Religiia i politika (70–80-e gody): sbornik statei* [*Muslim countries. Religion and Politics (70–80-s); a collection of articles*]. Eds A. V. Malashenko, I. Muzirakzh. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 117–136. (In Russian)

31. Malashenko A. V. *V poiskakh al'ternativy (Arabskie kontseptsii putei razvitiia)* [*In Search of alternative (Arabic concepts of ways of development)*]. Ed. by L. R. Polonskaia. Moscow, Nauka Publ., 1991. 208 p. (In Russian)

32. Vasil'ev A. M. *Rossiia na Blizhnem i Srednem Vostoke: ot messianstva k pragmatizmu* [*Russia in the middle East: from messianism to pragmatism*]. Moscow, Vostochnaia literatura, 1993. 399 p. (In Russian)

For citation: Lukyanov G. V. Islam and its impact on the development of the state in Libya: The valuable experience of Soviet historiography. *Vestnik SPbSU. Asian and African Studies*, 2017, vol. 9, issue 4, pp. 440–456. https://doi.org/10.21638/11701/spbu13.2017.409

Статья поступила в редакцию 4 августа 2017 г.
Статья рекомендована в печать 31 августа 2017 г.

Контактная информация

Лукьянов Григорий Валерьевич — магистр политологии;
gvlukyanov@gmail.com; glukyanov@hse.ru

Lukyanov Grigoriy V. — MA in political science; gvlukyanov@gmail.com; glukyanov@hse.ru